
Смерть и воссоединение

Ло Хуай очнулся от тяжелого забытья и мгновенно осознал: он больше не в машине. Тело, подчиняясь отточенным рефлексам, тут же пришло в состояние боевой готовности. Юноша осторожно повернул голову, оценивая обстановку.

Впрочем, едва его взгляд упал на Чу Сюня, напряжение медленно отпустило мышцы.

В полумраке неосвещенной комнаты Чу Сюнь сидел на стуле, методично проверяя снаряженные магазины. Он один за другим прижимал патроны, следя, чтобы они лежали идеально ровно, без малейших деформаций или изъянов — каждый из них должен был принести мгновенную смерть.

На круглом столе рядом были разложены детали разобранного оружия. Заметив, что Ло Хуай пришел в себя, мужчина даже не поднял головы. Его руки двигались плавно и уверенно: он собирал механизмы воедино с такой легкостью, словно те никогда и не были разделены.

Когда последняя деталь встала на место, Чу Сюнь сжал рукоять. Он вскинул руку, наводя дуло прямо на юношу. Лицо собеседника оставалось пугающе бесстрастным.

— Что мы будем делать теперь? — едва слышно спросил Ло Хуай.

Чу Сюнь медленно, едва заметно улыбнулся. Он опустил пистолет и небрежно бросил его в руки юноше. Затем, достав откуда-то две банки самого обычного пива, он одним движением сорвал кольцо на первой и поманил подопечного пальцем, приглашая подойти ближе.

Вкус пива был грубоватым, но напиток приятно охлаждал горло, а пена казалась удивительно нежной. Ло Хуай, только что пришедший в себя после «особенного» кофе, похоже, не извлек урока из случившегося: он сделал внушительный глоток и удовлетворенно прищурился.

Чу Сюнь не проронил ни слова. Он лишь протянул руку и поправил смявшийся воротник на одежде юноши. С неожиданным, почти пугающим терпением он бережно разгладил каждую складку.

Озадаченный такой переменной, Ло Хуай вскинул на него взгляд. В сумраке комнаты, где шторы были задернуты наглухо, зрачки юноши казались абсолютно черными, лишенными какого-либо блеска. Перед этим человеком он всегда выглядел до боли простодушным.

— Запомни, — негромко произнес Чу Сюнь. — Перед кем бы ты ни стоял, твоя одежда должна быть безупречна. Ты должен быть идеален.

Ло Хуай на мгновение замер, а затем кивнул, показывая, что усвоил урок. Рука мужчины, только что касавшаяся воротника, медленно скользнула выше и нежно погладила юношу по щеке.

Несмотря на ласковый жест, глядя в глаза Чу Сюня, тот внезапно ощутил ледяной укол дурного предчувствия. Серебристо-синие глаза собеседника всегда казались холодными и влажными, точно замерзшее море. В их глубине таились метели и сталь, безразличие и бесконечное одиночество.

Лишь иногда в них мелькало отражение самого Ло Хуая, и тогда взгляд становился почти теплым... Но сейчас всё было иначе.

Кадык юноши судорожно дернулся. Он хотел спросить, что случилось, но Чу Сюнь заговорил первым.

— Ло Хуай, ты помнишь, как я однажды выстрелил в тебя? — он улыбнулся. — Знаешь, а ведь я и вправду собирался тебя убить.

Зрачки Ло Хуая расширились. Разумеется, он помнил. Разве такое забудешь? В тот миг он был уверен, что пришел конец, но пуля каким-то чудом ушла на три сантиметра в сторону. Тогда Чу Сюнь просто присел рядом и вытер кровь с его лица. С того момента началась их история... их связь, длившаяся до сегодняшнего дня.

— Вижу, ты не забыл, — Чу Сюнь остался доволен реакцией. Его рука соскользнула со щеки юноши и легла на ствол пистолета, который тот всё еще сжимал в руках. — Тогда стреляй и ты в меня, Ло Хуай.

— Убей меня.

— Это будет мой последний урок.

— ...О чем ты говоришь? — голос Ло Хуая дрогнул. — Это... какая-то новая тренировка? Гэгэ, я не понимаю. Я не хочу этому учиться.

Внутренне сопротивляясь, он сделал шаг назад. Жестяная банка выпала из его рук и с резким скрежетом покатила в угол, изрыгая шипящую пену, которая мгновенно впиталась в нижний край тяжелых штор.

Чу Сюнь, словно ожидая такого ответа, разочарованно вздохнул. Затем он протянул руку и рывком распахнул плотную ткань.

В комнату ворвался ослепительный солнечный свет. Ло Хуай инстинктивно зажмурился, но в то же мгновение его отточенные рефлексy уловили едва заметный звук... щелчок взводимого затвора.

В ту же секунду юноша кувyрком ушел под кровать. Град пуль вспорол пол там, где он только что стоял.

Чу Сюнь уже успел переместиться к стене. Сквозь пороховой дым, затянувший комнату, он с улыбкой поднял пистолет.

— Молодой господин, как думаешь, в этот раз я промахнусь? — тихо спросил он.

Снаружи здание уже окружили наемники дома Грифон, а внутри находился смертельно опасный Чу Сюнь. До самого последнего мгновения Ло Хуай пытался убедить себя, что это лишь очередное испытание, но действовал он предельно расчетливо. Юноша выскользнул из-под кровати, ударом ноги опрокинул тяжелую раму, блокируя линию огня, и бросился к выходу.

Ло Хуай спрыгнул с лестницы, где его тут же окружили убийцы. Но он действовал как тень: левая рука с клинком, правая с пистолетом — череда движений была настолько стремительной и точной, что в его облике ясно читался почерк наставника. Он буквально прорубил себе путь сквозь окружение.

Убежище, где он пришел в себя, находилось на окраине города. Рядом возвышался остов заброшенного собора Ного, на белом граните стен которого всё еще виднелись старые пятна крови. Оторвавшись от погони, Ло Хуай нырнул под своды храма, пробираясь мимо обрушившихся колонн и покрытых паутиной статуй Девы Марии. Пыль, подымавшаяся от его шагов, забивала легкие, и вскоре его фигура растворилась в тени.

Облизнув пересохшие губы, юноша затаился, чтобы наскоро обработать раны. Он действовал методично и холодно, и лишь едва заметная дрожь пальцев выдавала его истинное состояние. Нападавшие не были случайными врагами «Ночного Филина»... Он узнавал эти лица. Это была элита семьи Грифон, пришедшая за его головой.

Мрачные воспоминания нахлынули на него удушливой волной. Когда он впервые оказался в том роскошном поместье, у него было время затишья. Тогда его мать была новой женой главы дома Грифон, а сам Ло Хуай считался официально признанным бастардом. Многие почтительно называли его «молодым господином», и лишь он сам знал, что не имеет к этой женщине никакого отношения. Он вырос в приюте, и его единственным «пропуском» в высшее общество стали редкие для этой семьи черты: черные волосы и черные глаза.

Женщина по имени Флора нашла его и усыновила лишь с одной целью — выдать за своего давно умершего ребенка. Она бесконечно запугивала его, то угрожая, то избивая, твердя, что если тайна раскроется, они оба покойники. Но амбициозная Флора недооценила проницательность Грифонов. Обман раскрылся... Юноше повезло лишь в том, что к тому

моменту его мачеха действительно забеременела. Она сохранила титул, а Ло Хуая, уже представленного свету, не стали убивать сразу. Это казалось счастливым финалом, но на деле стало началом его кошмара.

В том доме он был никому не нужен. Его презирали как самозванца, а младший брат — родной сын Флоры, Джоан Грифон, — бесчисленное количество раз пытался столкнуть его в пропасть.

Но почему... почему Чу Сюнь связан с домом Грифон?

Ло Хуай гнал от себя самую страшную догадку. Он затаился, став почти невидимым для поисковых групп; в этом соборе наступил его звездный час. Чу Сюнь научил его многому и спасал бесчисленное количество раз. Если бы тот хотел его смерти, то мог бы прикончить юношу в любой момент. Зачем ждать до сегодня?

Заставив себя успокоиться, Ло Хуай сжал рукоять короткого клинка. Он приготовился нанести удар в тот миг, когда враги поднимутся на второй ярус. Это было рискованно, но он верил, что сможет выжить.

Однако ожидаемых шагов не последовало. Вместо этого в кармане завибрировал телефон. Юноша тут же оборвал мелодию, но, увидев имя на экране, не раздумывая, принял вызов.

Это был Чу Сюнь.

Ло Хуай замер, вслушиваясь в его голос. Тон мужчины был пугающе будничным.

— Пока что ты справляешься отлично, — произнес он. — Контратака, отход, выбор позиции — почти безупречно.

Ресницы юноши дрогнули, но тот промолчал.

— У меня есть одна привычка, о которой я, кажется, забыл упомянуть, — продолжал Чу Сюнь с той самой интонацией, в которой ленивая небрежность смешивалась с издевкой. — Я всегда оказываю своим целям своего рода «предсмертную милость».

Юноша затаил дыхание, ожидая окончательного приговора.

— Раз уж твоя жизнь — сплошная трагедия, я решил обеспечить ей достойный финал. Видишь ли, твоим главным заказчиком выступил Джоан Грифон. Да-да, твой дорогой брат, нынешний глава семьи и правитель Одиннадцатого округа.

— Господин правитель пожелал, чтобы я устранил тебя самым изощренным и долгим способом. Чтобы я подарил тебе «интересную» смерть.

В этот момент послышался сухой треск: Ло Хуай с такой силой сжал телефон в руке, что экран пошел паутиной трещин. Он рассеянно разжал пальцы, глядя на глубокую красную полосу на ладони.

— Ну так что, дорогой, — раздался смех Чу Сюня. — Тебе нравится мой подарок? Привязанность, предательство... любовь и смерть.

Теперь голос звучал не из динамика. Насмешливые слова эхом отразились от пустых стен собора.

— У тебя остался один недостаток, — Чу Сюнь с ноткой лукавства склонил голову набок, и пряди волос скрыли холодный блеск в его глазах. — Ты используешь лишь то, чему я тебя научил... А значит, я точно знаю, где ты прячешься.

Он вскинул пистолет и без малейшего колебания открыл огонь.

[ВНИМАНИЕ! Носитель, немедленно прекратите свои действия!]

Экран Системы 059 в панике вспыхивал красным, закрывая Чу Сюню обзор.

[Почему вы пытаетесь убить Ло Хуая?! — кричала Система. — Вы с ума сошли? Вам остался всего час в этом мире! Из-за провала миссии всё пространство может рухнуть!]

«Ты думаешь, я делаю это впервые?» — мысленно отозвался Чу Сюнь.

Он продолжал поливать свинцом укрытия, и даже помехи в интерфейсе не мешали его идеальной точности. Ло Хуай в отчаянии метался между колоннами; еще немного, и силы окончательно покинут его.

059 была в ужасе. Этот «заключенный Пустоты» явно прибыл сюда не ради выполнения заданий, а ради того, чтобы отомстить обществу! Система не знала, как на него повлиять — функции Бюро были направлены на помощь Носителю, а карательные модули в эту спешную командировку не загрузили. Да и вряд ли бы Чу Сюня это остановило...

Внезапно 059 осенило, и она задала единственный верный вопрос:

[Но ведь вам нравится Ло Хуай! Если вы его любите, как вы можете причинять ему боль?]

Рука Чу Сюня на мгновение дрогнула.

«С чего ты это взяла? — усмехнулся он. — Хоть ты и Система, а берешься судить о вещах, в которых ничего не смыслишь».

Конечно, 059 не понимала человеческих чувств, но она слишком хорошо знала своего подопечного. В тот миг, когда Чу Сюнь задал встречный вопрос, Система убедилась в своей правоте. Она перестала слепить его предупреждениями и мгновенно перенаправила всю энергию на другую задачу, погрузившись в глубокое молчание.

Магазин Чу Сюня опустел. Он не стал перезаряжать оружие, а лишь тихо произнес:

— Ты продержался до самого конца, Ло Хуай. Как я и ожидал.

Едва он договорил, как собор сотряс чудовищный взрыв. Огненная волна в мгновение ока поглотила здание. Ло Хуай даже не успел осознать, что произошло — его швырнуло в воздух и отбросило далеко на траву за церковной оградой.

В глазах потемнело. Боль в спине была такой неистовой, словно его позвоночник раскололи надвое. Он лежал неподвижно, подобно сломанной кукле.

Но тем, кто остался внутри, повезло еще меньше. Наемники Грифона, находившиеся в эпицентре взрыва, практически превратились в пыль.

Взрывной волной выбросило и Чу Сюня. Его состояние было не лучше: по виску струилась густая кровь, склеивая серебристо-серые пряди волос. Его лицо, обычно безупречное, теперь казалось изможденным и странно притягательным.

Мужчина, казалось, совершенно не замечал своих ран. Он медленно перевел взгляд на Ло Хуая, который тщетно пытался приподняться.

— Готов поспорить, в твоём пистолете остался последний патрон, верно? — прошептал он с нежностью.

Чу Сюнь поднялся и, пошатываясь, подошел к юноше. Он опустился перед ним на корточки, заглядывая в глаза.

— Ло Хуай, чтобы выжить в этом уродливом мире, мягкосердечие бесполезно. Запомни: любой, кто идет против тебя, кто предаёт тебя или пытается убить, не имеет права на жизнь. Ты должен быть беспощаден.

Голос Чу Сюня доносился до юноши словно сквозь вату. Сознание Ло Хуая мутилось, а слова мужчины казались каким-то древним заклинанием.

— Верю, что одной пули тебе хватит, чтобы покончить со мной.

Чу Сюнь почти ласково вложил рукоять пистолета в ладонь подопечного. Глядя на его затуманенный взгляд и следы контузии, мужчина продолжал нашептывать свои жестокие истины.

Ло Хуая прошиб озноб. Гул пожара и грохот взрывов внезапно отступили, оставив его наедине с этим голосом. Он чувствовал себя Фаустом, искушаемым Мефистофелем; его указательный палец медленно лег на спусковой крючок.

Один щелчок — и Чу Сюнь умрет.

Гнев за предательство всё еще пылал в его груди, а слова Чу Сюня эхом отдавались в голове. Он ведь прав, горько думал Ло Хуай. Почему именно я должен вечно бороться за жизнь? Почему меня всегда бросают?

Его глаза налились кровью, и он, почти не рассуждая, нажал на спуск...

Но в самую последнюю долю секунды он отвел ствол в сторону.

Единственная пуля ушла в землю. Пистолет выпал из рук Ло Хуая, и он с неистовой решимостью покачал головой.

— Нет.

— Ты... ты другой, — выдавил Ло Хуай.

Пусть будет больно, пусть сердце разрывается от неопределенности — он был готов принять это. Мало кто мог противостоять тому филигранному психологическому внушению, которое выстроил Чу Сюнь. Но Ло Хуай... Ло Хуай справился.

Пламя пожара разгоралось всё сильнее, грозя поглотить всё вокруг. Глядя на опустошенного юношу, мужчина безмолвно притянул его к себе за плечо и нежно похлопал по спине. Затем он взял руку Ло Хуая и, сняв со своего пальца серебряное кольцо с Уроборосом, надел его на его безымянный палец, медленно протолкнув до самого основания.

Кольцо село идеально, будто всегда там и было.

Бледные пальцы Ло Хуая дрогнули. Он поднял взгляд на Чу Сюня и с трудом выговорил:

— Не отталкивай меня... Что ты задумал?

— Ты ведь подарил мне свое кольцо, верно? — прошептал мужчина ему на ухо. — Я не люблю оставаться в долгу. Так что — это тебе взамен.

— Ло Хуай, моя смерть станет моим возрождением. А теперь — и твоим тоже.

В сценарии, написанном Системой 059, была такая строка:

«Спасенный Ло Хуай, стиснув зубы, надевает кольцо с фамильным гербом на палец Белого Лунного Света, заставляя всех поверить, что погиб именно он. Так он обретает шанс на новую жизнь».

Детали не уточнялись — важно было лишь, чтобы Белый Лунный Свет исчез со сцены. Но это был Чу Сюнь, и он не мог уйти без эффектного финала.

Гибель первой группы элитных бойцов Грифона неизбежно привлечет внимание семьи. Скоро здесь будут все их силы, и они не успокоятся, пока не убедятся в смерти Ло Хуая. Но если наследник уже мертв — охота прекратится. Огонь и взрыв сотрут все улики. Потребуется вечность, чтобы опознать останки в этом пепелище.

— Я ведь обещал, что сегодня ты покинешь Ного и вернешься домой.

Раздался тихий звук падающих капель — кап-кап.

Ло Хуай в оцепенении отстранился от Чу Сюня и почувствовал приторный запах крови. Тот, кто всегда так тщательно оберегал свою одежду от пятен, сейчас уверенным движением рассек себе горло осколком стекла. Кровь хлынула потоком, окрашивая всё вокруг в пугающий алый цвет.

Стена огня взметнулась над травой. Чу Сюнь, из последних сил улыбаясь, мимолетно коснулся губами глаз Ло Хуая и прошептал:

— Помни меня вечно, дорогой.

«Пусть при слове "любовь" и при слове "ненависть" первым, о ком ты вспомнишь, буду я».

Едва он договорил, как пламя окончательно скрыло его фигуру. Примчавшаяся на подмогу Айдела наконец прибыла, осыпая всех проклятиями, вытащила Ло Хуая из зоны повторного взрыва.

Юноша не сопротивлялся. Он не плакал и не кричал, напоминая безжизненную куклу со сломанным механизмом. Айдела без труда оттащила его в безопасное место.

Но это оцепенение длилось недолго. Стоило женщине отпустить его, как Ло Хуай, точно брошенный хозяином пес, начал яростно вырываться. Откуда-то взяв силы, он сбросил её руки и, пошатываясь, сделал несколько шагов к огню.

Сцена гибели Чу Сюня снова и снова всплывала перед его глазами. От невыносимого шока Ло Хуаю казалось, что его душа выгорела дотла, оставив лишь пустую оболочку.

Он вспомнил слова Чу Сюня, сказанные той ночью в «Ночном Филине»:

«Любовь — это всегда клетка. Возможно, когда ты станешь достаточно сильным, ты назовешь её тихой гаванью или домом. Но пока ты слаб, она останется твоей ахиллесовой пятой. А слабые места, Ло Хуай, нужно вырывать с корнем»

— Ло!.. — Айдела попыталась перехватить его, но он лишь мягко отвел её руку и покачал головой.

Ло Хуай замер, завороченно глядя на черные столбы дыма. Ни слез, ни криков, ни жалоб. Лишь спустя долгое время силы окончательно оставили его, и он бессильно опустился на колени.

Он пытался воскресить в памяти каждое мгновение, проведенное с наставником, но разум, словно защищаясь, окутывал эти воспоминания густым туманом. Невыносимая, раздирающая боль наконец просочилась в каждую клетку его тела. Юноша глухо закашлялся, вытирая кровь с губ, и протянул руку к помощнице.

— Есть курить?

Его голос был пугающе хриплым, словно кусок ржавого железа скреб по обнаженной плоти.

— Что?.. — Айдела в замешательстве протянула ему пачку и выудила сигарету с мятной капсулой.

Ло Хуай подкурил от тлеющего на земле уголька. Его пальцы дрожали. Вкус лопнувшей капсулы был приторным и горьким одновременно. В ту же секунду из его глаз хлынули слезы.

Он спрятал лицо в сгибе локтя, не замечая, как тлеющая сигарета обжигает ему кожу. А в следующее мгновение он отбросил её в сторону — это была не та сигарета и не тот финал, на который он надеялся. Огонь пылал жарко, но Ло Хуаю было невыносимо холодно.

«Чу Сюнь... за что ты так жесток? Зачем ты выбрал смерть, которую я никогда не смогу забыть?»

«Теперь я и вправду начал тебя ненавидеть, гэгэ»

— Значит, это ты активировал блокировку боли?

В ослепительно белом пространстве Системы Чу Сюнь с улыбкой смотрел на парящий перед ним шар 059.

[Система действовала исключительно из гуманитарных соображений, — холодно отозвалась 059. — В отличие от вас. Оказывается, вы с самого начала это планировали]

Когда они только прибыли, 059 предупреждала его, что любые значимые отклонения от сюжета будут исправлены Мировым Сознанием. Но Носитель действовал филигранно. Он безупречно исполнил ключевую сцену — «смерть Белого Лунного Света», однако его влияние на Ло Хуая оказалось прямо противоположным тому, что требовал сценарий.

Чу Сюнь научил юношу защищать себя, быть жестким правителем, не знать пощады и держать власть в своих руках. Никто и никогда не сможет оставить столь глубокий след в жизни Ло Хуая. Миссия провалена, но Мировое Сознание уже не может ничего исправить. Какие бы преграды оно теперь ни воздвигало перед ним, тот пройдет сквозь них.

В итоге Мировое Сознание было вынуждено признать поражение: оно не стало объявлять миссию окончательно проваленной и продлило пребывание Чу Сюня в мире, надеясь, что тот исправит ситуацию. Но он просто выбрал смерть, обнаружив «баг» в правилах между Бюро и миром. На краткий миг он стал свободен — не узник Пустоты и не исполнитель заданий. Он мог уйти в любой низший мир. Это был идеальный план, просчитанный до мелочей.

Впрочем... 059, будучи выдающейся Системой, за время их совместной работы прекрасно поняла, чего на самом деле хочет её подопечный. Свободы, которой никто не сможет помыкать.

Поэтому 059 расширила системное пространство и дала Чу Сюню доступ. Но входить ли — был его выбор. Он мог просто уйти, но в последний момент передумал. Так и состоялся этот разговор наедине.

[Не бойтесь, что я доложу Главному Богу о вашем самоуправстве?] — спросила Система.

— Так ведь интереснее, не находишь? Мне и самому любопытно: почему ты, будучи Системой, не остановила меня, а теперь хочешь поговорить?

Чу Сюнь держался непринужденно, полностью контролируя ситуацию. 059 помолчала, а затем её холодный электронный голос произнес:

[«Влюбляться в цель миссии — признак отсутствия профессиональной этики». Кажется, именно это вы говорили мне раньше?]

Мужчина прищурился. Улыбка не сошла с его лица, но 059 почувствовала... жажду крови.

[Я хочу сказать, — поспешно добавила Система, — что вам, вероятно, тоже хочется узнать, что станет с Ло Хуаем. Иначе вы бы просто ушли. А я не хочу, чтобы моя первая миссия закончилась крахом. По крайней мере, главный герой Ло Хуай... он не должен погибнуть]

Чу Сюнь нахмурился.

— И кто теперь сможет его убить?

[Возможно — он сам?]

[Чу Сюнь, у каждого свое определение чувств. Для вас привязанность — это оковы, но для Ло Хуая всё иначе]

Они были как воздушный змей и птица. Птицу нельзя держать на цепи, но змей, стоит нити оборваться, теряет опору и падает в бездну.

[Есть риск, что Бюро нас обнаружит, но всё же — вы готовы остаться в этом мире еще на некоторое время? Хотя бы для того, чтобы ваши труды не пропали даром?]

В белом пространстве воцарилась тишина. Спустя долгое время мужчина тихо вздохнул.

— Ладно. Если я получаю свободу, то хочу, чтобы и Ло Хуай мог жить так, как ему хочется. Что ж... кажется, с профессиональной этикой у меня и впрямь не всё гладко.

Федерация Вистулия, Одиннадцатый округ, Девятая авеню.

Стоял погожий выходной день. Огромные экраны на улицах сообщали, что влажность и температура воздуха идеальны, напоминая лишь о том, что к вечеру станет прохладнее и стоит захватить куртки. Солнце медленно опускалось за горизонт, и огни неоновых вывесок вместе с потоками машин сливались в сияющее полотно. Близился очередной коммерческий праздник, придуманный ради влюбленных: на билбордах сменяли друг друга анонсы товаров, а рестораны зазывали гостей специальным меню.

На улицах было непривычно много пар. Молодежь, уткнувшись в телефоны, выбирала места

для свиданий, а семьи выбирались на прогулку. Процветание этого района было очевидным.

Владелец небольшой забегаловки на углу обновлял список блюд на вечер. Он присел на корточки, переворачивая грифельную доску, чтобы вписать сегодняшние деликатесы. В этот момент звякнул колокольчик над дверью, и в зал вошел молодой человек в простой белой рубашке. Он заказал стандартный сет и устроился за столиком.

С виду он ничем не отличался от обычного парня, решившего перекусить вне дома в выходной, если не считать того, что он был чертовски хорош собой. Даже в самом простом наряде он выглядел как модель, сошедшая с подиума. Неудивительно, что сонная персидская кошка, дремавшая у стойки, тут же прыгнула вниз и принялась тереться о его брюки, выпрашивая ласку.

Юноша, отвлекшись от телефона, легонько почесал зверька за ушком. Его серебристо-синие глаза чуть сузились в улыбке, и в этот миг они казались куда прекраснее ярко-голубых глаз кошки.

Чу Сюнь неспешно принялся за ужин, время от времени перебрасываясь парой слов с хозяином.

— Оказывается, сегодня День святого Валентина... В Одиннадцатом округе праздники, кажется, не кончаются никогда.

Затем он вежливо отклонил очередное предложение:

— Познакомить меня с вашей дочерью? Вы слишком добры, дядюшка, но это ни к чему.

Хозяин не обиделся на отказ. Напротив, когда гость закончил трапезу и собрался уходить, старик снова отметил про себя, как красив этот малый. На прощание он даже всучил ему пару баночек своего фирменного соуса.

Чу Сюнь помахал рукой, выходя на улицу. Хозяин радушно приглашал его заходить еще, а персидская кошка у входа разочарованно вильнула хвостом. Однако, глядя парню вслед, старик вдруг нахмурился и хлопнул себя по бедру.

«Зачем это Чу Сюнь пошел к самому краю Девятой авеню? — подумал он. — Ведь дальше... только квартал Ланфат».

Обычным гражданам там делать было нечего. Ведь это место не зря называли «районом красных фонарей». Старик хотел было окликнуть юношу, выглядевшего таким безобидным и бесхитростным, но за пару минут фигура уже растворилась в толпе.

[Постарайтесь не попадаться на глаза тем, кто вас знал, — пробормотала 059. — Если

поднимется шум, Бюро может засечь аномалию]

Система прекрасно знала, на что способен Чу Сюнь, но не могла удержаться от наставлений. Этот парень с двумя банками соуса в пластиковом пакете, стоящий в очереди на досмотр рядом с господами в дорогих костюмах, выглядел слишком уж вызывающе.

Ланфат был темной стороной благополучного Одиннадцатого округа. Здесь находилось родовое гнездо семьи правителя, и здесь же процветало всё то, что было под запретом в остальном городе. Здесь состояния наживались и проигрывались в один миг. Обычные горожане могли войти сюда лишь после строгого досмотра и внесения залога — мера предосторожности на случай беспорядков.

Инспектор на входе буднично просканировал Чу Сюня детектором и жестом велел предъявить банковскую карту. Рослый юноша в простой одежде выудил из кармана джинсов тонкий пластик и протянул офицеру. На черном фоне был вытиснен изящный цветок — знак безымянной карты банка «Хуасуй», выпускаемой специально для элиты Ланфата.

Счет на этой карте был астрономическим. Инспектор украдкой взглянул на лицо гостя. Юноша, всё так же небрежно держа пакет с соусом, стоял в очереди с отсутствующим видом. Обычный парень, не более.

Вернув карту, офицер негромко произнес:

— Желаю вам приятного вечера.

Чу Сюнь забрал пластик, небрежно бросил его в пакет и уверенным шагом вошел в Ланфат. Сегодня он пришел сюда, чтобы присмотреть за Ло Хуайем, у которого была назначена деловая встреча. Ну и заодно — заработать немного «карманных денег» на стороннем заказе.

За те годы, что Ло Хуай возглавлял семью Грифон, он стал появляться на публике лишь в исключительных случаях, переложив почти все дела на подчиненных. Чу Сюню пришлось ждать полгода, чтобы просто увидеть его. Время в Системе и в мире текло по-разному: для Носителя прошел год, но с момента их расставания в Ного минуло целых восемь лет.

059 предсказывала, что именно сейчас Ло Хуай будет наиболее уязвим. Если в этом году с ним всё будет в порядке, Чу Сюнь окончательно получит свою свободу.

В этот момент за спиной Чу Сюня раздался знакомый голос:

— Заканчивайте здесь и будьте внимательнее при досмотре. Сегодня босс прибудет лично.

К посту охраны приближалась женщина с огненно-рыжими волосами, собранными в безупречную прическу. На её плечах лежал строгий черный пиджак, дополненный юбкой из

той же коллекции. Она выглядела воплощением деловой хватки и властности — разительный контраст с той взбалмошной Айделой, хозяйкой бара в Ного. Инспекторы замерли и отсалютовали ей. Сегодня Айдела была правой рукой правителя Одиннадцатого округа, его голосом и волей. Уважение к ней было законом Ланфата.

Она мельком взглянула на юношу, чей облик совершенно не вписывался в окружающую обстановку, и ей на миг показалось, что она его знает. Женщина сделала пару шагов вперед, всматриваясь в его лицо.

Это было красивое, но совершенно незапоминающееся лицо. Таких «красавчиков» штамповали в любой клинике пластической хирургии для рекламных щитов. Внимание привлекала скорее его фигура: широкие плечи, узкая талия, высокий рост. Прохожий вежливо улыбнулся ей.

Айдела усмехнулась.

— Жаль. Будь сегодня обычный день, я бы пригласила тебя на ужин... Но только не сегодня. Хорошо провести время, красавчик.

Бросив эту фразу, она отвернулась и в сопровождении свиты направилась в сторону, противоположную той, куда шел Чу Сюнь.

[Твоё мастерство маскировки по-прежнему заслуживает восхищения] — заметила 059.

Чу Сюнь лишь усмехнулся. Сделав приличный крюк мимо ослепительно ярких зданий, он в итоге оказался у той же цели, что и Айдела.

Клуб «Святая Мария»

Холодное здание вонзалось в облака, взирая на великолепную береговую линию и огни мегаполиса. Стоило Чу Сюню появиться у входа, как его тут же провели внутрь. Спуск, карта, лифт — всё прошло как по маслу. Рядом с ним стоял чопорный мужчина с тростью; он в полном молчании довел юношу до верхнего люкса и быстро запер дверь.

— Значит, вы и есть тот самый «Чистильщик», которого рекомендовал господин Чарльз?

Старомодный джентльмен задал вопрос, раскуривая сигару. Сквозь дым он бесцеремонно разглядывал парня, который выглядел так, будто только что вернулся из супермаркета. Он не привык судить по одежке, но в этом юноше не было ни капли привычной жестокости — он светился дружелюбием, как вчерашний студент. Если это не маска, то этот человек поистине страшен.

Говард отложил сигару и протянул ему карту.

— Здесь задаток. Сумма вас не разочарует. Задание должно быть выполнено любой ценой: мне нужна смерть Ло Хуая.

Чу Сюнь удивленно выгнул бровь и бросил на заказчика странный взгляд. Говард лишь пожал плечами:

— Звучит как безумие, верно? Но если бы у кого-то другого хватило смелости его убить, я бы не стал искать вас.

Он отхлебнул вина. Красная жидкость напомнила ему кровавый туман, в который превращались остатки семьи Грифон по приказу правителя. Тот ужас и тошнотворное жжение в груди преследовали Говарда в кошмарах многие годы.

Чистильщик усмехнулся и, не дожидаясь приглашения, взял пустой бокал, налив себе вина до краев. Осушив его одним глотком, он бросил банки с соусом в руки Говарду.

— Ладно. Раз уж это дело кажется мне любопытным, присмотрите за моими вещами, господин.

— Скоро увидимся.

С этими словами он подошел к панорамному окну и открыл замок. На высоте девяносто шестого этажа ветер рвал его рубашку; Чу Сюнь быстро завязал края одежды узлом, встал на подоконник и легко спрыгнул вниз.

Говард в ужасе бросился к окну, но увидел лишь, как киллер, цепляясь за выступы, уверенно пробирается к открытому вентиляционному окну технического этажа. Невероятная ловкость... Ошибка в одно движение стоила бы ему жизни.

Сегодня Ло Хуай ужинал в ресторане на крыше. Конечно, «ресторан» был лишь прикрытием для казино и других сомнительных удовольствий. Персонал «Святой Марии» проходил жесточайший отбор и личную проверку Айделы. Но для Чу Сюня это не было преградой: скрыться от глаз или выдать себя за другого было для него привычным делом. Вскоре он уже стоял в рядах официантов, разливая вино гостям правителя.

Это было самое близкое расстояние, на которое он мог подойти. Ло Хуай давно запретил кому-либо приближаться к себе — даже Айдела разговаривала с ним через стол. Людей, достойных сидеть с ним за одной трапезой, просто не существовало: будь ты его конкурентом или врагом, ты мог лишь взирать на него снизу вверх.

Едва войдя в зал, каждый ощущал, кто здесь является абсолютным центром.

Синеватый свет ламп ложился тенями на лицо Ло Хуая, делая его кожу бледной, почти прозрачной. Идеально сшитый черный костюм, безусловно накрахмаленный воротник... Его

тонкая талия казалась хрупкой, а весь облик — пронзительно печальным.

Когда-то Чу Сюнь поправлял его воротнички, твердя, что нужно выглядеть идеально. Теперь Ло Хуай был безупречен... но что с того? Никто больше не осмеливался подойти к нему.

Он медленно жевал поданные блюда, время от времени хмурясь и погружаясь в свои мысли. Он не выглядел капризным тираном, но тишина в зале во время его трапезы была абсолютной.

Чу Сюнь, скрытый тенью, мимолетно взглянул на него. Ло Хуай не должен был заметить этот взгляд, но почему-то внезапно отложил вилку и в упор посмотрел на скромного официанта.

Он не проронил ни слова, но Айдела тут же подошла ближе.

— Ло? — негромко позвала она.

Ло Хуай опустил глаза и произнес удивительно мягко:

— Айдела, ты знаешь, почему я назвал это место «Святая Мария»?

— Потому что это название эталонного синего цвета морской воды.

— Верно. Я люблю синий... особенно тот оттенок, что так похож на цвет его глаз.

Он поднял голову и указал взглядом на официанта в глубине зала.

— Мне нравится цвет глаз того парня.

— Купи их для меня. За любую цену.

<http://bllate.org/book/15843/1434913>